

Глава 5. С кошками нам не по пути

В ямэнь вернулись уже в час Собаки. Ломо приготовил воду для омовения, а Ли Тань отправился на маленькую кухню варить отвар для печени, отрезвляющий после выпитого вина.

В главной комнате господин Еян, нежась в дымящейся сосновой бочке, от удовольствия едва не задремал.

В полуоткрытую дверь проскользнула местная полосатая кошка. Она повела носом, втягивая воздух, взмахнула хвостом и лёгкой поступью направилась к бочке.

Еян Цы, положив голову на край, отдыхал с закрытыми глазами, как вдруг уловил в воздухе нотку недоброго. Он резко открыл глаза и встретился взглядом с незваной гостьей.

Грудь и спину начало неприятно зудеть. Юноша медленно сползал всё ниже и ниже, пока его плечи и шея не скрылись под водой, оставив на поверхности лишь голову. Он настороженно следил за зверем, а уголки его глаз начали краснеть.

— Ломо... Ли Тань...

Ли Тань в это время был на кухне, помешивая варево на плите. Рядом Ломо в большом котле грел воду. Ночи стояли холодные, вода в бочке остывала быстро, и нужно было иметь запас кипятка, чтобы вовремя подливать его.

Не получив ответа, судья был вынужден повысить голос:

— Ломо! Ли Тань!

Кошка испугалась и метнулась в сторону. Еян Цы уже было вздохнул с облегчением, но увидел, что она лишь спряталась за дверь. Через мгновение полосатая мордочка снова высунулась из укрытия и направилась к его одежде, висевшей на краю бочки. Мужчина заподозрил, что сегодня в саду Цзиньчуань к подолу его халата прицепился листик мяты или что-то подобное, привлёкшее животное.

Кошка подошла ближе. Глаза Еян Цы покраснели, и слёзы невольно навернулись на веки. Он был готов нырнуть в бочку с головой.

— Неужели за этим никто не следит? — процедил он сквозь зубы.

За дверью, под навесом галереи, раздался голос:

— Господин уездный судья, я могу чем-нибудь помочь?

Хозяин комнаты ухватился за этот голос, как за спасительную соломинку.

— Сюньцзянь Тан, вы как раз вовремя! Помогите вынести отсюда эту кошку!

Тан Шицзин толкнул дверь, вошёл, обогнул ширму и на мгновение замер. Его взгляд переместился на полосатую кошку у бочки. Та уже всю жевала мятный лист, прилипший к ткани, и, запутавшись в полах одежды, восторженно каталась и извивалась.

Еян Цы плеснул себе в лицо водой. В горле снова запершило, захотелось кашлять.

— Сюньцзянь Тан, эту кошку держат в ямэне?

Мужчина присел на корточки. Он хотел было просто вытащить зверя, но потом передумал и, завернув кошку в одежду, взял на руки.

— В восточном крыле ямэня есть зернохранилище, да и свитки в архиве нужно беречь от мышей, поэтому кошек здесь держат немало. Господин боится их?

— Не то чтобы боюсь... Они довольно милые, пока не подходят слишком близко.

Тан Шицзин задумчиво кивнул, его взгляд был прикован к лужице воды на полу. Небольшое мокрое пятно окрасило плитку в тёмно-серый цвет, но в нём, словно в волшебном зеркале с горы Яотай, отразились покрасневшие уголки глаз, капающие слёзы, плывущие по воде тёмные пряди волос, смутные очертания луны в воде и снега на горных вершинах. Этот мимолётный образ пленительной красоты застыл лишь на одно мгновение.

Словно желая разрушить наваждение, он резко повернулся и, сделав несколько шагов к выходу, спросил:

— У господина последние несколько дней болело горло... из-за кошек?

Да что там горло. Последние два месяца он почти каждый день гладил кошку за стеной дворцового сада. И хотя юноше раз за разом становилось плохо, он не прекращал этого, пока наконец не добился того, что императорская любимица стала переворачиваться перед ним на спину. Она так привыкла к его угощениям, что совсем не желала возвращаться к своему хозяину. Всю дорогу из столицы в Сяцзинь тело Еян Цы было покрыто опухшими и зудящими красными пятнами, которые сошли лишь через десять дней.

К счастью, эти мучения были не напрасны. С тяжёлым вздохом он произнёс:

— С кошками у нас, увы, не судьба.

Тан Шицзин, стоя к нему спиной, едва заметно усмехнулся.

— Господин, не беспокойтесь, я что-нибудь придумаю. Впредь ни одна кошка в ямэне не приблизится к вам ближе чем на три чжана.

Он вышел с кошкой и одеждой в руках, плотно прикрыв за собой дверь.

К счастью, на этот раз контакт был не слишком долгим. Как только зверёк исчез, фантомный зуд прошёл. Еян Цы быстро выбрался из бочки, оделся и впустил Ломо, который стучал в дверь с вёдрами горячей воды. Судья велел ему тщательно вытереть пол, испачканный кошачьими лапами, и особенно проследить, чтобы в комнате не осталось ни единой шерстинки.

Ломо был немым слугой лет двадцати, наполовину гуйну. Он был смуглым, высоким и крепким, обладал недюжинной силой. В детстве Еян Цы слышал от отца, что тот, проплывая через Бохайский залив во время войны с японскими пиратами, нашёл на обломках корабля умирающего мужчину — отца Ломо — и из жалости подобрал его и выходя. Тот, оправившись от ран, ушёл, но через несколько месяцев вернулся и стал верным стражником в доме Еян. Позже он женился на служанке госпожи Еян, и у них родился кудрявый метис. Ломо вырос в их семье, всегда был сыт и одет. Он мог работать за троих, словно неумомимый чёрный як. Верный, простодушный, молчаливый — кроме немоты, у него не было недостатков, и господин был им очень доволен.

Выпив отрезвляющий отвар, Еян Цы наблюдал, как Ли Тань и Ломо собирают вещи, и вдруг достал из сундука бережно хранимый свиток.

— Это же семейная реликвия, — с болью в голосе сказал Ли Тань. — Хозяин, вы действительно собираетесь его отдать? Кто в Гаотане достоин такого щедрого подношения?

Юноша улыбнулся.

— Я не собираюсь его дарить. Это... Впрочем, сейчас не время об этом говорить. У меня всё под контролем.

Ли Тань, хоть и был болтливым и непоседливым, не в пример другим слугам, хозяина слушался беспрекословно. Положив свиток в дорожную сумку, он спросил:

— Шкатулку с мечом брать?

— Не нужно, — ответил Еян Цы.

Слуга забеспокоился:

— Говорят, в Шаньдуне сейчас неспокойно. Вдруг встретятся разбойники...

— Мы поедем в повозке, дорога туда и обратно займёт не больше дня. Тебе, болтунишка, не о чем беспокоиться. К тому же, с нами едет Сюньцзянь Тан, он мастер боевых искусств, чего бояться?

Ли Тань замолчал, лишь пробормотал, что будет скучать по хозяину. Еян Цы с улыбкой погладил его по голове.

***

Закончив сборы, все разошлись спать. Юноша проспал до первых петухов, отдал распоряжения подчинённым и на рассвете выехал в Гаотан.

Правил повозкой один из лучших людей патрульной инспекции, который прибыл в Сяцзинь в прошлом году вместе с Тан Шицзином. Говорили, что это его самый доверенный человек по имени Фан Юэ.

Почтовый тракт из Сяцзиня в Гаотан давно не ремонтировался, и повозку сильно трясло. Еян Цы сидел внутри, одетый в белоснежный нижний халат-тели и верхний халат медового цвета в варварском стиле, с симметричными полами и пуговицами. Талия была туго перетянута, а полы халата разрезаны на четыре части для удобства верховой езды. Он смотрел на Тан Шицзина, сидевшего напротив, и, подпрыгивая на ухабах, вздохнул:

— Какая ужасная дорога.

Тан Шицзин в чёрной одежде и лёгких доспехах, с длинным клинком у пояса, сидел, прислонившись к стенке экипажа и закрыв глаза.

— Окружной судья Сюй говорит, что денег на ремонт дорог нет. Каждому уезду велено самостоятельно чинить пути в радиусе двадцати ли.

Теперь господин Еян ещё больше убедился в правильности своего решения не просить у начальства средств. Сюй Вэйпин, может, и не был совсем беден, но скупостью отличался изрядной. Любой уездный судья из подчинённых ему Учэна, Цю или Сяцзиня, осмелившийся попросить у него денег, в его глазах тут же становился докучливым смутьяном, не понимающим трудностей руководства.

Приходилось рассчитывать только на себя, вот только для этого нужен был большой стартовый капитал.

— Господин едет с визитом к окружному судье Сюю? — спросил Тан Шицзин, не открывая глаз.

Еян Цы ответил:

— Я только что вступил в должность, и визит к начальству — дело обязательное. Пару дней назад я отправил ему визитную карточку, и сегодня должен сперва нанести визит в его резиденцию.

На самом деле в шкатулке для визитов была не только карточка, но и список подарков, которые были доставлены вместе с ней.

Подношение это Еян Цы выбирал тщательно: оно не должно было быть ни слишком скромным, ни слишком дорогим, и уж тем более нельзя было дарить золото или серебро. Он выбрал тушечницу из шэского камня, тушь из сосновой сажи, небольшую курильницу из печи Жу и коробку чая из Янсяня с цитронами — изящно и практично. Конечно, в конце визитной карточки он добавил фразу: «Ваша слава о бескорыстии давно известна, и о тайных подношениях не может быть и речи. Как я смею оскорблять вас золотом и серебром? Скромный дар от чистого сердца, прошу принять», — чтобы подчеркнуть неподкупность адресата.

К тому же первая личная встреча не должна быть долгой. Подчинённый выражает уважение, начальник демонстрирует благосклонное отношение — всё это занимает не более получаса.

Выйдя из резиденции Сюя, Еян Цы вздохнул с облегчением. Он не любил официальные приёмы. Со стороны казалось, что он держится легко, но на самом деле он всё время думал:

«Лучше бы я дома лежал на кушетке, читал книгу, пил чай и ел фрукты»

Как только они въехали в город, Тан Шицзин отправился на восточный рынок посмотреть новые объявления о розыске, оставив ему Фан Юэ в качестве возницы и договорившись встретиться в час Петуха у восточных ворот. Сам же Еян Цы поехал в резиденцию цзюньвана Гаотана.

***

Поместье располагалось на востоке города, занимало более тридцати му и состояло из трёх дворов, насчитывая сорок шесть комнат. Стены-экраны, ворота и залы были расположены в строгом порядке, сады и пруды радовали глаз. Крыши были покрыты зелёной глазурованной черепицей, а большие красные ворота с медными гвоздями выглядели весьма внушительно.

Фан Юэ передал привратнику визитную карточку. Ждать пришлось почти час, прежде чем тот вышел и ответил:

— Князь сказал, что праздных людей не принимает.

Фан Юэ вежливо объяснил:

— Мой господин — уездный судья Сяцзиня, а не праздный человек. Он уже имел честь встречаться с князем и сегодня прибыл с визитом, чтобы соблюсти все формальности.

Привратник закатил глаза.

— Да даже если сам окружной судья Сюй придёт, наш господин не всегда его примет.

Еян Цы откинул занавеску повозки, подозвал Фан Юэ, дал ему два слитка серебра и тихо сказал:

— Попроси этого человека доложить ещё раз. Скажи, что у меня есть подлинное произведение Демона Поэзии, которое прекрасно сохранилось, несмотря на шестьсот лет, и сегодня я привёз его, чтобы князь мог его оценить.

Фан Юэ с сомнением спросил:

— Господин, что ещё за Демон Поэзии? У этого князя Гаотана есть какой-то особый дар?

Юноша с улыбкой подтолкнул его:

— Дурачок, просто иди.

Волшебная сила серебряных слитков подействовала мгновенно: глаза привратника опустились с макушки на место, а ноги обрели резвость. Не прошло и получаса, как он вернулся:

— Князь велел уездному судье Еяну войти одному.

Когда мужчина выходил из повозки, февральский ветер принёс с собой мелкий дождь. Еян Цы раскрыл синий шёлковый промасленный зонт, взял длинную шкатулку со свитком, велел Фан Юэ ждать и поднялся по ступеням к дверям.

За воротами его ждал слуга, которому было приказано проводить гостя в южный кабинет в центральном дворе. Юноша шёл, любуясь дождливым пейзажем, и думал, что дворцовые слухи, оказывается, были правдой.

***

После того как его имя было вписано в списки сдавших экзамены, он два года прослужил редактором-составителем в столичной академии Ханьлинь. Академия находилась рядом с императорским дворцом, и учёных часто вызывали туда для чтений. В свободное от службы время он наслушался немало сплетен: и о дворцовых тайнах, и о личной жизни придворных. Конечно, слухи — вещь ненадёжная, так что он обычно пропускал их мимо ушей.

Однажды в разговоре один из чиновников императорского клана, занимавшийся составлением генеалогического древа, упомянул, что у каждого из князей есть свои причуды.

— Знаете князя Гаотана, третьего сына из рода князя Лу? — спросил он тогда.

— Прежний князь Лу, Цинь Лю, был человеком легендарной славы. Он вместе с нашим императором Яньхуэем завоёвывал Поднебесную. Говорят, он был ростом в девять чи, телом подобен несокрушимому божеству, мог натянуть лук силой в пять дань и однажды в гуще сражения одной стрелой убил самого храброго воина северных племён. К сожалению, в битве при Даоя в Северной Ляо он был тяжело ранен и умер в расцвете лет.

— С тех пор в роду князя Лу не было таких доблестных воинов. Старший сын, Цинь Сюнь, унаследовал титул, но пристрастился к «порошку пяти минералов», отчего здоровье его ослабло, и он умер, не оставив наследника. Второй сын, Цинь Туань, снова унаследовал титул князя Лу. Он увлекается механикой и затеял в своих владениях грандиозное строительство, возводит какой-то «Павильон тысячи механизмов и ста перемен», который на самом деле просто передвижной театр.

— Третий сын, Цинь Шэнь, получил титул цзюньвана Гаотана и ведёт себя гораздо скромнее своего второго брата.

— Но скромность часто означает заурядность.

Тут кто-то из любопытных спросил:

— А какие причуды у этого князя Гаотана?

Собеседник ответил:

— Он увлекается археологией. Говорят, он может отличить подлинник от подделки любого древнего предмета. Из всех людей прошлого он больше всего почитает Демона Поэзии, Ли Хэ, и готов платить любые деньги за подлинники его стихи или связанные с ним вещи.

— Прошло уже шестьсот лет, разве могли сохраниться подлинники его стихов?

— Потому-то они и бесценны. Многие авантюристы пытались обмануть его, подсунув подделки, но всем им ломали ноги и выбрасывали за ворота резиденции.

Любопытные рассмеялись:

— Если бы он не был цзюньваном, то стал бы первым ценителем искусства в нашей Великой Юэ.

— А эти два статуса не противоречат друг другу, — рассмеялся и чиновник. — Жаль, что он не держит ломбард, иначе был бы лучшим оценщиком в Поднебесной. Но всё это — ни то ни сё, ни учёность, ни воинственность — не есть праведный путь. Господин Еян, вы согласны?

Еян Цы тогда с улыбкой кивнул.

Он и не думал, что случайно услышанный полтора года назад разговор сегодня так ему поможет.

<http://bllate.org/book/15875/1436581>